

Чэнь Сюлянь наконец заплакала. Её печалило то, что, прожив двадцать лет, она вдруг осознала: учила она совсем другой язык — язык, который никто не мог понять. В одно мгновение она превратилась в инопланетное существо, брошенное в щель под ногами, где не было никого, кто был бы ей подобен.

Мать привела её домой, и Хэ Чжиго вошёл следом, заявив, что хочет жениться на Сюлянь. Он говорил с матерью Чэнь Сюлянь искренне и трогательно, включая даже свою маленькую лавку в планы на будущее, обещая, что всё это перейдёт в управление Сюлянь. Оба были тронуты, и всё было решено — будто это была сделка, а Чэнь Сюлянь — товар, взвешиваемый на весах.

В этом фарсе Чэнь Сюлянь постепенно осознала свою странность. Это она была слишком странной. Хэ Чжиго был её парнем, которого она никогда официально не признавала, а той ночью, когда он прижал её, это была всего лишь муха. Она лежала на подоконнике дома, наблюдая, как солнце встаёт и садится. Каждую ночь она не могла заснуть. Закрывая глаза, она тут же начинала спорить сама с собой. Споры были слишком болезненными, и она лишь из последних сил широко открывала глаза, пытаясь принять сценарий, который ей дала судьба.

В 2147 году, в возрасте двадцати лет, Чэнь Сюлянь вышла замуж за Хэ Чжиго. Она спала на кровати, видела знакомый свет лампы и ту самую муху, которая не давала ей покоя. Хэ Чжиго мог использовать её, её тело не принадлежало ей самой, её глаза, её рот, её мысли — всё это было не её.

Чэнь Сюлянь десятилетиями размышляла над одним вопросом. Кто она такая? Человек ли она? Никто не уважал её. Хэ Чжиго пил с друзьями и, напившись, с гордостью рассказывал о своих подвигах. Он был так уверен в себе, считая жену своим трофеем, и при этом находил её недостаточно презентабельной.

Хэ Чжиго бил Чэнь Сюлянь, считая, что это правильный способ управлять женой, ведь под палкой растёт послушная жена! Он чувствовал себя героем, сравнивая себя с воинами времён Гражданской войны, внёсшими огромный вклад в стабильность семей на тылу Северного альянса. Жаль только, что никто не наградил его за это, и он рассказывал об этом в интернете. Он считал себя человеком культуры, и его немногословные посты собирали множество одобрительных комментариев от братьев по духу.

После войны экономика Зоны Тинбо пошла на спад, множество сталелитейных заводов закрылось, и маленькая мастерская Хэ Чжиго тоже разорилась. Его перепады настроения становились всё более заметными, доходя до невротического состояния. В то время у Чэнь Сюлянь уже была дочь Циньцин, и они спали внизу. Однажды она проснулась посреди ночи и, повернув голову, увидела, что Хэ Чжиго сидит у двери, высунув голову и пристально смотрит на неё.

Чэнь Сюлянь считала, что Хэ Чжиго болен. Она не хотела, чтобы он приближался к Циньцин, поэтому всю ночь сидела у кровати дочери. Днём она работала, чтобы прокормить Циньцин, и была готова на любую работу. Циньцин была очень послушной, каждый день после школы она делала уроки за столиком в столовой, ожидая, пока мать закончит работу. Чэнь Сюлянь наконец почувствовала себя нормальной — Циньцин была её связью с миром. Она копила деньги, юань за юанем, чтобы отправить дочь в школу, чтобы уехать с ней куда угодно.

Но Хэ Чжиго разрушил её мечту, устроив аварию в состоянии алкогольного опьянения.

* * *

На рассвете пошёл дождь, капли быстро стучали по железному навесу за маленьким окном.

Лю Чэнь проснулся. Его щека касалась пола, а в носу стоял запах плесени из подвала. Снаружи лаяли собаки, и Лю Чэнь услышал, как открылась дверь.

— Вставай.

Чэнь Сюлянь включила свет, присела и похлопала Лю Чэня по лицу.

Лю Чэнь провёл ночь в сыром подвале, его голова раскалывалась от боли. Он непроизвольно вздрогнул, когда его тронули, сдерживая желание отстраниться, боясь спровоцировать Чэнь Сюлянь. Он хрипло ответил:

— Я... я проснулся.

Чэнь Сюлянь взяла деревянную палку, которой обычно что-то поднимала, просунула её в окно и подтянула железный навес, закрыв окно.

Звук дождя стал приглушённым, словно раскалённое масло, накрытое крышкой, а Лю Чэнь был куском мяса в этом масле. Очки Лю Чэня куда-то пропали, и теперь стены казались ему размытыми. Он водил глазами, в горле горело — это были последствия его вчерашних криков.

— Я всю ночь думала, — Чэнь Сюлянь положила палку, взяла миску и, продолжая есть, сказала:

— Ты ведь тоже хотел как лучше, да? Ты писал о тех событиях, и я думаю, это было правильно, просто некоторые слова были... — она подбирала слова, — как у Хэ Чжиго.

Лю Чэнь вчера был избит, и сейчас его спина горела. Он водил глазами, видя лишь обувь Чэнь Сюлянь.

Сегодня Чэнь Сюлянь была в своих туфлях и собиралась на работу. Она ела быстро, в миске было много мяса. Это мясо лежало в холодильнике, и, если его не съесть, оно бы испортилось. Она сказала:

— У тебя хороший слог, я раньше хотела тебе позвонить. Ты оставил на своей странице настоящий номер?

Лю Чэнь просеивал ключевые слова, его сухие губы дрогнули, и он ответил:

— Да... настоящий.

— Если бы ты сказал это раньше, — Чэнь Сюлянь отложила миску и палочки, — я бы не сомневалась.

Лю Чэнь чувствовал, что грудь сдавливает слишком сильно, верёвки на теле не давали ему нормально дышать. Он поёрзал по полу, пытаясь перевернуться.

Чэнь Сюлянь наблюдала, как Лю Чэнь извивается, как червь, и спросила:

— Ты мне звонил?

Она словно боялась, что Лю Чэнь не поймёт, и специально поднесла коммуникатор к его лицу.

— Ты звонил на этот номер?

Лю Чэнь быстро замотал головой, его лицо было мокрым. Он открыл рот, и оттуда пахло сыростью, словно этот запах хотел его поглотить.

— А, — Чэнь Сюлянь убрала коммуникатор, — Значит, не ты. Ты знаешь «Майский снег»? Вы общались, я видела это в чате. — Она выглядела разочарованной:

— Когда он мне звонил, я думала, что это ты хочешь мне помочь. Я давно хотела с тобой поговорить, поговорить о своей жизни.

— Мы... — Лю Чэнь с трудом глотнул, пытаясь увлажнить горло, — Мы можем поговорить сейчас.

Чэнь Сюлянь слушала дождь, долго думала и наконец сказала:

— Нет, ты тоже не интересен, твои репортажи — сплошная ложь.

Она встала, раздвинула вещи на столе. В чехлах лежали два кухонных ножа, она вытащила их и начала точить на точильном камне. Она уже освоила это, научилась решать проблемы с помощью ножей.

Точильный станок и пила, оставленные Хэ Чжиго, уже износились.

Лю Чэнь слушал звук заточки, и из его горла медленно вырвался плач. Он рыдал, вытирая слёзы и сопли о лицо, выглядев жалко и беспомощно. Он терся лбом о пол, всхлипывая:

— Прости, прости! Но дело Хо Цинцзюня, учителя Хо, было официально решено, и я только сообщил об этом. — Он начал громко плакать:

— Ты не можешь винить меня в этом, правда, я лишь следовал решению суда.

Но Чэнь Сюлянь не обращала на него внимания. Она в тусклом свете упрямо точила свои ножи.

* * *

Дождь стучал по стеклу, Чэн Лисинь в кабинете допроса плакал и кричал, обращаясь к Пу Линю:

— Я правда не знаю никакого убийцы!

Янь Цзюньсюнь прислонился к стеклу, наблюдая за Чэн Лисинем. Его мысли были как дождь, быстро стучащий в голове, перемешивая старые и новые детали, словно пытаясь выявить хотя бы намёк на запах убийцы.

— Ян Юй в 240, — Цзян Лянь подошёл с другой стороны и сказал Янь Цзюньсюню:

— Она сказала, что у неё есть несколько подруг, с которыми она работала, двое из них трудятся в промышленной зоне возле микрорайона Пули. Цзюэ, расскажи Цзюньсюню подробности.

— Я проверил данные этих двух подруг Ян Юй, обе — нелегалы, не прошедшие региональную проверку, и их идентификационные номера тоже чужие. Одну зовут Линь Хуэй, она работает в столовой сталелитейного завода в промышленной зоне, использует номер своего сына. Другую зовут Чэнь Сюлянь, она водитель, перевозящий кокс на том же заводе, использует номер

своего мужа Хэ Чжиго. — Цзюэ настраивал световой экран, продолжая говорить Янь Цзюньсюню:

— Линь Хуэй обычно работает без выходных, с Ян Юй общается редко и не подменяла её на работе. Только Чэнь Сюлянь за последние полгода несколько раз выполняла за Ян Юй уборку и знает, где та живёт.

Янь Цзюньсюнь чувствовал тяжесть в веках, он сказал:

— Хорошо.

— Ты выглядишь неважно. — Цзюэ сделал паузу:

— Мы пытались связаться с Хэ Чжиго, но звонки остаются без ответа.

На световом экране появилось изображение с камеры наблюдения, где Чэнь Сюлянь стояла перед весовой, ожидая, пока сотрудник взвесит её партию кокса и выдаст запись.

— Его машиной всё время пользуется Чэнь Сюлянь.

Янь Цзюньсюнь смотрел на Чэнь Сюлянь на экране. Её глаза были глубоко изборождены морщинами, реакция замедленна, и она внимательно слушала слова сотрудника.

Янь Цзюньсюнь задумался.

<http://bllate.org/book/16220/1456946>